

Эмма Рудкевич

РАЗВОД с предателем.

Ты инсценировал измену,
чтобы украсть мой бизнес!

Эмма Рудкевич

**Развод с предателем. Ты
инсценировал измену,
чтобы украсть мой бизнес!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Развод с предателем. Ты инсценировал измену, чтобы украсть мой бизнес! / Э. Рудкевич — «Автор», 2026

Я вернулась из командировки раньше срока и застала мужа с другой женщиной. Она стояла в моём халате. А Денис сидел перед детектором лжи. Они ждали моего возвращения! Муж специально устроил эту сцену, чтобы записать мой нервный срыв и объявить меня сумасшедшей перед советом директоров. Он собирался отобрать мою долю в бизнесе, забрать сына и оставить меня без денег. Но они допустили ошибку. Я аналитик данных. И заметила, что показания полиграфа подделаны. Вскоре я нашла доказательства вывода миллиардов через подставные компании. Теперь мужу придётся пройти настоящую проверку. И на этот раз ему не удастся обмануть даже самого себя.

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эмма Рудкевич

Развод с предателем. Ты инсценировал измену, чтобы украсть мой бизнес!

Глава 1

Дождь в Москве всегда пахнет мокрым асфальтом и чужой бедой. Я припарковалась у подъезда на сутки раньше, чем обещала Денису, потому что сердце не выдерживало тишины самолета. Три дня командировки в Казани, три ночи сна в казенной гостинице с тонкими стенами, где слышно, как соседка кашляет, и ни одного сообщения от Дениса. Ни «люблю», ни «скучаю». Только сухое: «Задержусь на совете директоров. Не жди».

Я знала этот тон. Это был голос человека, который уже всё решил, но ещё не сказал вслух. Мне нужно было подтверждение. Не для суда или развода — для себя. Чтобы перестать быть той, кто сомневается в собственной интуиции, превращаясь в жалкую истеричку с детектором лжи в голове. Я хотела застать их. Хотела увидеть грязь, чтобы потом, смывая её с рук, почувствовать холодное облегчение ухода. Я готовила речь. Готовила чемодан. Готовила гнев.

Ключ застрял в замке. Механизм упирался, словно замок сам решал, что я здесь лишняя. Пальцы дрожали от холода и спешки, металл скрежетал по металлу. Дождь барабанил по затылку, стекал за воротник куртки, неприятно липкий и ледяной. В висках стучало: войди. Увидь. Разрушь. Я толкнулась плечом, игнорируя боль в ключице, и дверь поддалась с глухим ударом, пропуская меня внутрь, в темный коридор подъезда. Лифт не работал — вечная московская проблема, которую управляющая компания решает годами. Семь этажей пешком. Ноги горели, легкие горели, но я не чувствовала усталости. Только нарастающее предвкушение катастрофы.

На площадке перед нашей квартирой стояла тишина, плотная, как вата. Никаких звуков из-за двери. Ни музыки, ни голоса телевизора. Только тиканье моих собственных часов в голове. Я приложила ухо к двери, ожидая услышать шорох простыней, сдавленный стон, звук шагов босых ног по паркету. То, что должно было там быть, если моя теория верна. Если Денис действительно изменил мне с Викторией Лундберг, его новой пиар-помощницей, которая слишком часто задерживалась «допоздна» в офисе и слишком много смеялась, глядя на него через стеклянные перегородки конференц-зала.

Вместо этого я слышала голос Дениса. Он был спокойным, ровным, деловым. Таким, каким он говорил на презентациях для инвесторов.

— Повтори вопрос. И не вилай.

Мой мозг отказывался обрабатывать информацию. Интимность? Нет. Страсть? Нет. Это звучало как допрос. Или совещание. Но почему так поздно? Почему без света в окнах, которые я видела снизу, проходя мимо фасада дома? Я дернула ручку. Заперто. Изнутри.

Я достала запасной ключ, который хранила в кармане сумки, на всякий случай. Встала, повернула. Механизм щелкнул, и дверь бесшумно открылась, пропуская меня в полутемную гостиную.

Воздух в квартире был другим. Обычно он пах свежим кофе и дорогим сандалом Дениса. Сейчас в нем витал сладковатый, приторный аромат чужих духов. Виктория обожала «Black Opium». Этот запах въедался в ткань, в кожу, в само пространство, становясь видимым маркером вторжения. Я замерла на пороге, чувствуя, как внутри все сжалось в тугую узел. Фотографическая память включилась автоматически: диван был слегка смят, подушка съехала на

пол. На журнальном столике темнели два влажных круга от бокалов. На одном краю лежала салфетка со следом помады.

Но никого не было видно за спинкой дивана. Только свет монитора ноутбука, отражавшийся в стекле окон, создавал голубые блики на стенах. И странный писк. Тихий, ритмичный, как работа медицинского прибора.

Я сделала шаг вперед, крадучись, как вор в собственном доме. Обогнула диван и остановилась, не в силах поверить глазам.

Денис сидел за столом. Руки лежали на клавиатуре, но запястье правой руки было перехвачено ремнем датчика. Провода тянулись от браслета к небольшой черной коробочке с мигающими огоньками, стоящей рядом с ноутбуком. На экране бежали графики: зеленые линии, красные всплески, цифры пульса. Детектор лжи. Портативный полиграф. Тот самый, который используют спецслужбы или корпоративные аудиторы при проверке на утечки информации.

Он не смотрел на меня. Его взгляд был прикован к экрану, губы чуть сжаты, лицо напряжено, но сосредоточенно, а не виновато. Рядом, в кресле напротив, никого не было. Только пустота и знакомый запах духов, исходящий от свисающего со спинки кресла шелкового платка. Виктории. Она была здесь. Была. Но где сейчас?

Денис вдруг поднял голову. Наши взгляды встретились.

Я ожидала ужаса. Смущения. Попытки оправдать себя («Это не то, что ты думаешь, Аня!»). Ожидала, что он схватится за телефон, пытаясь стереть доказательства. Но он просто моргнул. Медленно. Как человек, который увидел коллегу, зашедшего в переговорную на пять минут позже назначенного времени.

Его уголки губ дрогнули. Он улыбнулся. Не виновато, не радостно, а с легким раздражением, смешанным с удовлетворением. Будто мое появление нарушило ход эксперимента, но в целом было ожидаемым фактором.

— Ты рано, — сказал он ровно. Голос не дрожал. Пульс на экране не подскочил. Линия осталась стабильной зеленой.

— Денис, — мой собственный голос показался мне скрипом ржавых петель. Я не узнавала себя. — Что это? Зачем тебе... полиграф?

Он перевел взгляд на прибор, затем снова на меня.

— Проверка данных. Очень точная проверка.

В этот момент из кухни послышался звон стекла. Я вздрогнула, инстинктивно сжимая кулаки. Шаги. Мягкие, шаркающие. Из арки кухни вышла фигура в длинном халате.

Виктория Лундберг.

Она шла ко мне, держа в руках два бокала с шампанским. На ней был мой домашний халат с вышитыми лилиями, купленный мною в прошлом году на распродаже в ЦУМе. Халат сидел на ней свободно, подчеркивая удобу и длинные ноги. Волосы собраны в небрежный пучок, макияж смывает, лицо свежее, почти детское. Но глаза были старыми, циничными и абсолютно спокойными.

Она не испугалась меня. Не покраснела. Не попыталась скрыться. Она посмотрела на меня так, будто оценивала товар на полке. Затем она протянула мне один бокал.

— Шампанское теплое, — сказала она своим бархатным голосом, который обычно использовала для интервью с журналистами. — Но лучше, чем ничего. Поздравляю с возвращением, Анна.

Я не взяла бокал. Стекло дрогнуло в ее руке, золотистая жидкость плеснулась о края.

— Ты в моем халате, — прошептала я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. Не от стыда. От ярости. Холодной, расчетливой ярости, которая вытеснила страх.

Виктория пожала плечами.

— Удобно. И пахнет твоими духами. Денис любит этот запах. Правда, он говорит, что он немного... приторный для бизнеса. Но для вечернего отдыха подходит.

Денис повернулся к ноутбуку.

— Аннушка, не устраивай сцену. Мы работаем.

«Мы»? Я смотрела на них двоих. Мужа и любовницу. В моей гостиной. В моей квартире. Они выглядели не как преступники, пойманные на горячем. Они выглядели как партнеры, обсуждающие квартальный отчет. Это разрушало мою реальность быстрее, чем застигнутая в постели измена. Если бы они просто занимались любовью, я бы могла уйти с достоинством. Но это... это было что-то другое. Абсурдное. Жуткое.

— Работаете над чем? — спросила я, делая еще один шаг к столу. Запах духов становился сильнее, вызывая тошноту.

Денис не ответил сразу. Он набрал что-то на клавиатуре, и на экране полиграфа появилась новая строка вопроса. Крупными буквами: «Ты перевел средства на офшор?»

— Нет, — ответил Денис, не глядя на меня.

Зеленая линия пульса Дениса резко дернулась вверх, превратившись в красный пик. Прибор издал короткий, резкий звуковой сигнал. Ложь.

Я замерла. Сердце пропустило удар.

— Ты солгал, — констатировала я, хотя понимала, что говорю не о чувствах.

Виктория тихо рассмеялась. Звук был хрустальным и жестоким.

— Он всегда лжет, когда дело касается денег, Анна. Это профессиональная деформация. CFO должен быть надежным, но честность мешает бизнесу.

Денис выключил звук полиграфа. Щелчок переключателя прозвучал оглушительно в тишине комнаты. Он снял ремень с запястья, потирая след от ремня. Кожа была красной, воспаленной.

— Спасибо, что вернулась раньше, — сказал он, глядя мне прямо в глаза. В его взгляде не было ни капли раскаяния. Только расчет. — Ты идеально подошла по времени для записи.

Глава 2

Что?

— Для какой записи? — мой голос сорвался.

— Для протокола. — Денис кивнул на экран ноутбука. — Совет директоров требовал подтверждения, что я не причастен к утечке данных. Полиграф — единственный способ доказать лояльность компании. Но чтобы тест был достоверным, нужна эмоциональная привязка. Нужен стресс-фактор. Твое внезапное появление, твой гнев, твоя ревность — это идеальный фон. Твои эмоции сбивают показания прибора, позволяя мне манипулировать графиком.

Я смотрела на него, и мир вокруг начал расплываться. Картинки, цвета, звуки — все стало плоским, как декорации в театре. Я не была жертвой обстоятельств. Я не была обманутой женой, которой нужно сочувствие. Я была инструментом. Аксессуаром. Частью оборудования, которое помогло ему пройти проверку и одновременно дискредитировать меня в глазах коллег, которые увидят эту сцену завтра утром.

— Ты... — я задыхалась. — Ты планировал это?

— Я планировал защиту активов, — поправил он сухо. — А ты просто подвернулась. Не обижайся, Анна. Бизнес есть бизнес.

Виктория поставила бокалы на стол, аккуратно, как фарфор в музее.

— Ему нужно было алиби для тех, кто видел нас вместе вчера вечером. Теперь у него есть объяснение. «Жена застала мужа на важном деловом совещании с PR-специалистом. Ничего интимного, только работа и немного вина для расслабления нервов». Идеальная легенда. Ты даже не будешь выглядеть жертвой. Ты будешь выглядеть истеричкой, которая мешала мужу работать.

Правда ударила меня в солнечное сплетение сильнее, чем физическое насилие. Меня не выгонят с позором. Меня выставят сумасшедшей. Мой гнев станет доказательством моей некомпетентности. Моя любовь станет материалом для их отчета.

Я сделала шаг назад. Потом еще один. Колени подкашивались, но я держалась. Я должна была сохранить лицо. Даже если это лицо будет трещать по швам.

— Вы оба отвратительны, — произнесла я четко, без крика и без слез.

Денис пожал плечами, снова поворачиваясь к ноутбуку.

— Привыкай. Или уходи. Выбор за тобой. Но помни: если ты уйдешь сейчас, скандал будет громче. Если останешься и промолчишь, мы сможем всё уладить. Ради холдинга. Ради твоей должности.

Я смотрела на его спину. На провода, лежащие на столе. На Викторию, которая уже доставала телефон, чтобы сделать фото. «Счастливое возвращение жены!», напишет она в сториз. Все увидят. Все поверят.

Мне нужно было уйти. Прямо сейчас. Пока я не начала кричать или бросать предметы. Пока я еще могла контролировать свои конечности. Я развернулась, направляясь к входной двери. Рука легла на дверную ручку. Холодный металл. Спасительный выход.

И тут экран ноутбука Дениса мигнул. Звук уведомления — тихий, но отчетливый.

— О, кажется, файл отправлен, — пробормотал Денис, не оборачиваясь.

Я не смогла удержаться. Отпустив ручку, вернулась на несколько шагов и заглянула через плечо Дениса. В окне отправки стояли адреса инвесторов и советников, а под ними — название документа.

«Протокол_Развода_Анна_Волкова.pdf»

Дата создания файла была сегодняшним числом. Время отправки — сейчас. А создан файл был до моего входа в квартиру.

Он не просто планировал использовать меня. Он уже подготовил бумаги. Для своих партнеров он уже выбросил меня из жизни, оставив лишь роль декорации для своего финансового преступления.

На полиграфе погас индикатор сеанса. Ложь? А может, правда. В этом мире слова больше не имели значения. Имел значение только код.

Воздух в гостиной был густым, как кисель из чужого успеха. Я осталась в дверном проёме гостиной, и сердце колотилось так яростно, что отдавало болью в висках. На столе перед Денисом лежал портативный детектор лжи — этакий чёрный кирпич с мигающими диодами. Виктория Лундберг сидела напротив него, закинув ногу на ногу, с выражением скуки на лице.

— Убери это, — мой голос сорвался на хрип. — Объясни, почему она здесь. Зачем тебе эта игрушка?

Денис даже не поднял глаз от монитора ноутбука. Его пальцы продолжали печатать отчеты.

— Ты видишь ложь на экране? Это калибровка, Анна. Не мешай процессу.

Он говорил спокойно, ровно, будто я просила передать соль за ужином. Злость ударила по рукам, и я рванула провода полиграфа на себя. Пластик хрустнул, но не поддался. Разъём держался крепко; коробочка лишь скользнула по столу.

— Денис, я могу уйти... — Виктория вздохнула, изображая смущенную жертву. Её голос звучал сладко и фальшиво, как сироп.

— Сядь. Ты нужна для протокола, — бросил он, не глядя на меня. Даже не повернув головы. Он обращался к ней как к стажерке, а ко мне — как к помехе.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. В собственной квартире, где мы планировали ремонт и обсуждали будущую жизнь, я стала лишней. Гостьей, нарушившей этикет.

— Вы оба предатели! — я указала на бокалы с недопитым вином, на приглушенный свет торшера. Интимная обстановка кричала о том, что они отрицали.

Денис рассмеялся. Сухим, деловым смехом, от которого сводило челюсти.

— Стресс-тест лояльности инвесторов, дорогая. Ты просто не понимаешь специфику CFO. Для тебя это измена, для меня — бизнес-процесс.

Его уверенность пугала больше любого крика. Он не прятался. Он защищал позицию.

Руки дрожали. Я потянулась за телефоном, чтобы записать их лица, их слова. Доказательства. Успела нажать запись, но запястье перехватили железные пальцы. Денис развернул меня к себе. Его лицо было совсем близко, пахло дорогим парфюмом и холодным кофе.

— Если ты опубликуешь это, тебя признают невменяемой, — прошептал он почти ласково. — А я буду твоим опекуном по доверенности. Ты потеряешь всё. Дом, счет, свободу.

Телефон выскользнул из пальцев и ударился о ламинат. Экран треснул. Денис разжал пальцы, когда я потянулась вниз. Я подняла телефон: под сеткой трещин всё ещё светился значок записи. Его угрозы тоже сохранились.

— Посмотри мне в глаза, — потребовала я, чувствуя, как слезы жгут веки. — Скажи правду хотя бы себе.

Но он уже отвернулся. Спина Дениса стала стеной, каменной и непробиваемой. Клавиатура затарахтела снова.

— Чувства — это шум в данных, Анна. Иди спать.

Я стояла посреди комнаты, ощущая себя пустым местом. Инструментом, который сломали и выбросили за ненадобностью.

Виктория встала, подошла к столу и налила воду из графина.

— Тебе нужно успокоиться, Анна. Выпей. Нервы ни к чему хорошему не приводят.

Она протянула мне чашку, улыбаясь уголками губ. Этот жест заботы был самым унижительным оскорблением из всех возможных. Она ставила меня на одну доску с истеричкой, которую надо «полечить».

Я выбила чашку из её рук. Стекло разлетелось вдребезги, вода растеклась по ковру, затекая под распечатки возле стола. Денис даже не вздрогнул. Он просто перелистнул страницу на экране.

— Уходи красиво, Анна.

Голос мужа заставил меня обернуться. Он наконец посмотрел на меня. В его глазах не было злобы. Была жалость. Та самая, детская, которая режет горло хуже ножа.

— Иначе я скажу совету директоров завтра утром, что ты пыталась украсть серверные диски. И твоя истерика станет доказательством моей правоты.

Любой мой шаг теперь играл против меня. Гнев подтвердит диагноз «неадекватность», молчание — вину. Он переворачивал всё на глазах: я не жертва обстоятельств, я угроза безопасности компании, которую нужно изолировать.

Денис протянул мне ключи от машины и сумку, которую я оставила у входа. Холодный металл лег в мою ладонь.

— Уходи. Пока ты еще человек, а не пациентка клиники.

Я схватила сумку, чувствуя, как внутри всё леденеет. Ключи впивались в кожу. Я вышла в коридор, где пахло сыростью и старыми обоями. За спиной дверь закрылась с мягким щелчком, отсекая меня от мира, где правила диктовал он. Мир качнулся, но я устояла. Телефон в кармане завибрировал. Сообщение от неизвестного номера: «Он знает, что ты записала. Беги.»

Глава 3

На следующий вечер я вернулась за документами. До спальни Денис меня не пустил — усадил в гостиную.

Папка из крафт-бумаги шлепнулась на столешницу с глухим, тяжелым звуком. В гостиной было тихо — только гудел холодильник и тикали настенные часы, отсчитывающие секунды моего унижения. Денис стоял напротив, заложив руки за спину, в той самой позе владельца, который выгоняет собаку, не желая марать об неё руки.

— Подпиши, Аня, — сказал он ровно. Его голос был бархатным, успокаивающим, таким, каким он обычно читал мне вслух перед сном. Только теперь этот бархат скрывал лезвие. — Ты устанешь бороться. У тебя нет ни денег на хороших юристов, ни жилья, ни поддержки. Совет директоров уже знает о твоём «нервном срыве». Если ты подпишешь соглашение о разводе и неразглашении, я оплачу твою аренду на год. Иначе...

Он не договорил. Не нужно. Я видела это в его глазах: холодный расчет, просчитанный до копейки. Он ждал истерики. Ждал слёз, криков, мольбы. Для него это был сигнал, что я всё ещё жива, всё ещё эмоциональна, а значит, всё ещё предсказуема. В углу потолка висела камера скрытого наблюдения, которую он установил сам под предлогом безопасности Тимура. Денис усыновил его ещё в первом браке, а после нашей свадьбы я тоже стала его приёмной матерью. Сейчас Денис уверял, что мальчик у бабушки. Камера должна была зафиксировать мою «неадекватность». Это будет доказательством для инвесторов: жена CFO нестабильна, она опасна, её надо изолировать.

Я молчала. Мои пальцы, сжатые в кулаки на коленях, побелели до синевы, но тело оставалось неподвижным. Внутри меня кипела кислота, разъедающая стенки желудка, но снаружи я стала пустой оболочкой. Аналитик данных видит цифры за словами. Цифры говорили: он боится. Если бы он был уверен, он бы просто выгнал меня силой. Но ему нужен мой автограф. Ему нужна моя тишина, купленная за мои же нервы.

Денис нахмурился. Легкая морщинка пролегла между бровей — единственная трещина в его безупречной маске.

— Почему ты молчишь? Тебе страшно?

В этот момент его телефон завибрировал на столе. Экран вспыхнул именем: Vika L.

Денис усмехнулся. Криво, хищно. Он включил громкую связь.

— Алло, Виктория? Да, она здесь. Сидит как мышка.

Голос любовницы сочился через динамик сладким ядом, нарочито растягивая гласные:

— Бедная Аня... Я слышу, как ты дышишь. Ты так стараешься казаться сильной, но мы-то знаем правду. Ты ничего не имеешь, кроме своего прошлого. Оставь его нам. Ты же не хочешь, чтобы Денису было больно видеть тебя в таком состоянии, правда? Мы можем помочь тебе найти работу официантки. Там спокойнее.

Тишина в комнате стала осязаемой, плотной, как ватное одеяло. Денис смотрел на меня с ожиданием триумфа. Он хотел, чтобы я заплакала. Хотел увидеть сломленную женщину.

Я придвинула телефон с включенной громкой связью. Губы дрожали, но я заставила себя говорить спокойно, сухо, как читаю отчет о прибылях и убытках.

— Виктория, какой бренд духов был на тебе в четверг вечером? Тот, что пахнет сандалом и дешевым виски?

На том конце провода повисла пауза. Оглушительная, звенящая. Я слышала, как кто-то задохнулся.

— Что? — пискнула она.

— Сандал и виски. Дешевый. Твой любимый «Black Ares» из масс-маркета или та кустарная смесь, которой ты опрыскиваешь постельное белье в отеле «Метрополь»? Ты забыла смыть

запах с воротника рубашки Дениса. Запах въедается в ткань мгновенно, если он смешан с потом и стрессом.

Динамик захрустел. Щелчок отбоя. Виктория повесила трубку.

Денис замер. Его улыбка медленно сползла, словно пластилин под тяжестью времени. Он схватил меня за запястье, пытаясь вернуть контроль, физически принуждая к подписанию. Его хватка была жесткой, почти болезненной, ногти впивались в кожу.

— Хватит игры, Анна! Ты ведешь себя как истеричка!

Я не дернулась. Не попыталась вырваться. Я посмотрела на его руку, затем подняла глаза на его лицо. Пусть видит: я смотрю на него так же, как на ошибку в отчете.

— Если ты сломаешь мне палец, Денис, этот инцидент попадет в отчет по безопасности данных. Ты знаешь, как я архивирую всё, что происходит в этом доме. Ты думаешь, я забыла про бэкапы облачного хранилища умного дома? Шаги и слова фиксируются датчиками движения и микрофонами. Я могу отправить эти логи прямо сейчас в службу корпоративной этики. Или в полицию. Выбор за тобой.

Хватка ослабла. Денис отдернул руку, будто обжегся. Он начал понимать, что жертва, которую он выбрал, имеет клыки. Но он не сдавался. Он сменил тактику, переходя к открытым угрозам.

— Ладно. Раз ты такая умная, давай посмотрим, насколько умны твои финансы.

Он достал из папки лист бумаги и бросил его передо мной. Распечатка транзакций.

— Завтра утром я инициирую проверку твоих личных счетов через подставные компании. Обвинение в отмывании средств через благотворительность. Вот, смотри, переводы на счета фондов, которых не существует. Это уже в системе. Твоя репутация будет уничтожена окончательно. Ты не найдешь работу даже в булочной.

Я взяла листок. Пальцы скользили по строчкам с профессиональной точностью, привыкшей к сканированию таблиц Excel. Глаза бежали по колонкам сумм, дат, контрагентов. И тут я увидела это. Мелочь. Деталь, которую мог упустить только человек, спешащий создать видимость доказательств. Код валюты в строке 47-B отличался от остальных. ISO-код евро был написан с ошибкой в одной букве, превращая его в несуществующий внутренний код. Фальшивка. Грубая, ленивая фальшивка. Он блефовал. Но блефовал плохо, рассчитывая на то, что я буду слишком напугана, чтобы проверить детали.

Я положила листок обратно. Лицо не дрогнуло.

— Это интересно, — сказала я тихо. — Но у тебя есть более серьезная проблема.

В дверь позвонили. Резко, требовательно.

— Курьер, — произнес Денис, не отрывая взгляда от меня. — Это от моего адвоката. Финальное предложение.

Я встала и подошла к двери. Открыв, забрала пакет у молчаливого парня в форме. Вернулась в гостиную. Денис стоял над столом, ожидая моей реакции. Тишина стала невыносимой, воздух густел.

Я вскрыла пакет. Внутри лежал проект договора и ручка. Ручка дорогая, серебряная, с гравировкой нашего фамильного герба.

Денис облегченно выдохнул, готовясь праздновать победу. Он видел, как я беру ручку. Видел, как я открываю документ.

Но я не стала читать дальше. Перевернула первый лист и написала на обороте крупными, жирными буквами одну фразу:

«Я знаю про серверную комнату №4».

Я бросила бумагу на стол, оставляя её открытой.

Лицо Дениса изменилось. Уверенность испарилась, растворяясь в воздухе, оставляя после себя чистый, животный ужас. Он схватил листок, комкая его в кулаке, и сделал шаг ко мне. Теперь роль жертвы и палача начала размываться, путаясь в узлах страха.

— Откуда ты знаешь номер комнаты? — прорычал он сквозь зубы. — Она закрыта даже для топ-менеджмента. Никто не может войти туда без биометрии совета директоров.

Я выпрямилась во весь рост. В этих туфлях на шпильке, которые я надела специально для этой встречи, я была выше него. Я поправила воротник своего пальто, которое все еще пахло аэропортом и московским дождем.

— Отойди, Денис. Или я позвоню не твоему адвокату, а тому аудитору, которого ты боишься больше всего. Тому, кто уже запрашивает доступ к архивам серверной комнаты №4.

Совет разослал уведомление об аудите ещё до моей командировки. В списке запрошенных данных был этот номер — Денис почему-то пропустил меня в рассылке.

Его глаза расширились. Он понял. Серверная комната №4 была не просто складом оборудования. Там хранились исходные коды алгоритмов, на которых держалась вся финансовая модель холдинга. И там же были сырые данные, показывающие реальные потоки денег, которые он маскировал красивыми отчетами.

Денис попытался перехватить инициативу, рассмеявшись нервным, лающим смехом.

— Ты ничего не докажешь, Анна! Полиграф показал твою ложь! Все видели графики. Ты сумасшедшая. Все так думают. Инвесторы уже заморозили твои активы, потому что ты угрожаешь безопасности данных!

Я посмотрела на него с абсолютным презрением. Это было последнее слово, которое должно было прозвучать сегодня. Слово, переворачивающее картину с ног на голову.

— Детектор лжи не показал мою ложь, Денис. Он показал твою.

Он замолчал. Смех застрял в горле.

— Я подключилась к сети через твой Wi-Fi, когда приехала. Вчера ночью сверила время твоего теста с копией журнала платежей. Вопрос об офшоре прозвучал сразу после перевода. Ты не подставлял меня. Ты подставлял себя, а я просто держала зеркало.

Повисла мертвая тишина. Денис смотрел на меня, и в его глазах впервые за много лет не было привычного цинизма, только чистый, первобытный страх человека, пойманного на месте преступления собственными руками. Он думал, что контролирует игру. Он думал, что я — пешка. Но я была тем, кто двигает фигуры, и я только что поставила короля в шах.

Я развернулась и пошла к прихожей. Ноги несли меня быстро, механически, словно робот, выполнивший задачу. В кармане пальто лежала флешка с копиями логов доступа к серверной комнате №4, которые я скачала во время командировки.

Открыв входную дверь, я не стала закрывать её за собой. Пусть стоит распахнутой. Пусть сквозняк гуляет по их роскошной квартире.

На пороге, уже выходя в подъезд, я услышала звук. Глухой удар, звон стекла, рычание зверя внутри клетки. Денис крушил то, что осталось от нашего брака, от его иллюзии власти.

Я не обернулась. Я вышла в серый, промозглый вечер Москвы. Воздух ударил в лицо холодом, очищая легкие от запаха его лжи. Игра началась. И в первый раз за долгие годы я чувствовала не страх, а голод. Голод справедливости.

Глава 4

Я вернулась утром за паспортами и вещами. Теперь даже воздух в квартире был густым, как смола. Он пах дорогим кофе, чужими духами и холодным металлом детектора лжи, который всё ещё стоял на столе, мигая красным индикатором записи. Я чувствовала себя не человеком, а объектом в их игре, фигурой на шахматной доске, которую вот-вот смахнут со стола.

Машину тем временем увезли с нашего двора: утром пришло уведомление о приёме в сервис по заявке Дениса. Добиралась я сюда на такси.

Денис даже не поднялся. Он сидел у двери спальни, раскинув ноги. За ним, на кровати, лежали мои документы. Там были паспорта, договоры, медицинские карты Тимура — то, без чего я не могла существовать юридически. Но сейчас это было просто бумагой, за которой пряталась моя жизнь.

— Ты идешь к себе? — спросил он мягко, почти ласково. В его голосе не было вины, только усталость от необходимости объяснять очевидное.

Я сделала шаг вперед, направляясь к дверному проему спальни. Денис медленно встал и перекрыл проход своим телом. Широкие плечи, костюм стоимостью с мою месячную зарплату, спокойное лицо. Это была стена.

— Анна, помнишь протокол безопасности для топ-менеджмента? — он склонил голову набок, изучая меня, как ошибку в коде. — Любой несанкционированный доступ к личным вещам CFO во время служебного разбирательства может быть расценен как попытка уничтожения улики или агрессия. Камеры в коридоре пишут всё.

Мои пальцы сжались в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Боль помогла сохранить трезвость ума. Прямое столкновение было бы самоубийством. Он ждал этого. Ждал, чтобы я закричала, толкнула его, ударила. Тогда он сможет сказать инвесторам: «Она истеричка, она опасна».

Я резко остановилась и отступила к стене прихожей.

— Я требую доступа к своим документам, — произнесла я ровным, скупающим голосом, будто читала пункт договора. — Или я вызываю полицию за незаконное удержание и нарушение неприкосновенности частной жизни. У тебя есть три минуты, Денис, прежде чем я наберу номер.

Он усмехнулся. Не злобно, а снисходительно. Как учитель, которому попался строптивый первоклассник.

И тут из кухни донесся звон бокала о стекло. Виктория Лундберг вышла в свет. Она держала в руке бокал с белым вином, и её босые ноги бесшумно ступали по паркету. На ней была только шелковая рубашка Дениса, слишком большая для её хрупкой фигуры.

Она подошла к мужу и положила руку ему на плечо. Этот жест был интимнее любого поцелуя. Он показал всем присутствующим, кто здесь хозяин положения.

— Выглядит жалко, Анна, — бросила она, глядя мне прямо в глаза. В её взгляде не было злости, только пустота и скука. — Просто уйди. Пока мы не выложили тебя на видео для соцсетей конкурентов. Представь этот пост: «Бывшая жена CFO Волкова в припадке ярости». Тебе не стыдно за свой имидж?

Слово «стыдно» повисло в воздухе, тяжелое и липкое. Мне хотелось плюнуть ей в лицо. Хотелось схватить бокал и разбить о её красивое, надменное лицо. Но я не двинулась ни на миллиметр.

Мои руки мелко дрожали внутри карманов пиджака. Я отвернулась от них обоих, игнорируя провокацию, и быстрыми, механическими движениями схватила сумку-шоппер, которая лежала у порога. Я специально оставила её там заранее, когда входила, предчувствуя подлость.

Начала лихорадочно складывать туда мелочи: ключи от машины, которая числилась на компании Дениса, телефон, зарядку. Я отказывалась смотреть на любовников. Каждый взгляд на них обжигал кожу.

— Ты забыла ноутбук, — сказал Денис. Его голос стал тише, ближе.

Я обернулась. Он уже был рядом, нарушив дистанцию. Резкий выпад. Его рука метнулась к моему запястью, хватая его с силой, от которой прострелило до локтя. Боль вспыхнула белой вспышкой перед глазами.

— Если ты заберёшь рабочий ноутбук, я активирую удалённую блокировку сервера прямо сейчас, — прошипел он мне на ухо, и его дыхание обожгло щёку. — И обвиню тебя в промышленном шпионаже. Тебе хватит срока на десять лет, Анечка. Подумай о Тимуре.

Его пальцы впивались в мою кожу, оставляя синие следы. Я посмотрела на его лицо. В глазах не было страха. Только расчет.

Я рванула руку назад. Денис не ожидал такого сопротивления, и мои ногти скользнули по его коже, оставляя тонкие, но глубокие царапины. Он отдернул руку, шипя сквозь зубы.

— Забирай своё дерьмо, — сказала я, вырываясь.

Пока Денис разглядывал царапины, я проскользнула в спальню и собрала с кровати паспорта, договоры и карты Тимура. Запихнула бумаги в шоппер и вернулась к выходу. Ноутбук остался на столе. Пусть блокирует. Пусть пишет жалобы. Я знала, что делала.

Моя рука нырнула под блузку, в область декольте, где под тканью бюстгальтера лежал внешний жесткий диск размером с кредитную карту. Нагретый кожей металл при каждом вдохе давил на ребра. Я спрятала его в аэропорту, ещё до вылета в Москву. Интуиция аналитика данных подсказала мне: если Денис молчит и уводит разговор от денег, надо сохранить следы на сервере. Логи. Сырые, необработанные логи с датами выгрузки. На флешке в кармане пальто была короткая выборка доступа, здесь — полный архив. Если он изменит серверные записи, мне будет с чем сравнить их. Они были здесь. На этом диске.

Я убрала руку подальше от груди. Пусть считает, что запер правду вместе с ноутбуком. Копия уже была у меня на теле.

Я повернулась к двери. Коридор был длинным и темным. Шаги отдавались эхом, как в могиле.

На середине коридора стоял маленький силуэт. Тимур.

Мой приемный сын, двенадцатилетний мальчик с большими, испуганными глазами, смотрел на нас троих. Он вышел из своей комнаты, услышав шум, и теперь замер посреди коридора, создавая живой щит между родителями.

Тишина стала оглушительной. Виктория перестала улыбаться. Денис одернул манжету рубашки, пряча царапины.

Тимур посмотрел на отца, потом на мать. Его губы дрогнули.

— Кто из вас врёт? — тихо спросил он. Голос мальчика звучал в пустом коридоре громче крика.

Этот вопрос ударил меня ниже пояса сильнее, чем угрозы Дениса. Все эти годы я строила семью, вкладывала душу, терпела его амбиции ради общего будущего. А он спрашивает, кто лжёт. Для ребёнка это не философский вопрос. Это выбор стороны.

Я присела на корточки, так что мои глаза оказались на уровне глаз сына. Запах его шампуня, дешевого яблочного, который я покупала ему каждый месяц, ударил в нос, смешиваясь с запахом чужого вина и мужского пота.

Я обняла его. Крепко, чувствуя, как напряжены его маленькие плечи.

— Никто не врёт, Тимур, — прошептала я, целуя его в макушку. Мои слёзы капнули на его волосы, горячие и соленые. — Просто правда стала слишком дорогой.

Я солгала ему. Знала это ещё до того, как губы оторвались от его макушки. Но сказать ему всё сейчас, при них, я не смогла.

Я резко встала, разрывая контакт. Нельзя сорваться. Нельзя дать им повод считать меня слабой.

— Тимур останется жить со мной! — крикнул Денис вслед. Его голос потерял бархатистость, стал резким, командирским. — Ты неустойчива психически! Я уже отправил твоё заявление о разводе адвокатам с пометкой «истерические приступы». Ты не получишь его.

Я не обернулась.

Решения суда не было, а Денис уже говорил так, будто оно лежало у него в кармане. Но я знала, что его «доказательства» шатки. Моё молчание — моя единственная защита от этой манипуляции. Любая ответная реплика сейчас будет записана и использована против меня.

Я дошла до входной зоны. Консоль из темного дерева стояла напротив зеркала. Я достала связку ключей от квартиры. Тяжелые, металлические брелоки с эмблемой холдинга, подаренные Денисом пять лет назад на годовщину свадьбы.

Я бросила их на столешницу.

Клац.

Звонкий металлический звук разрезал воздух. Это было похоже на точку в конце предложения. Или на выстрел.

Глава 5

Дверь открылась автоматически, пропуская меня в подъезд. Денис не последовал за мной. Он знал, что игра сделана. Теперь я должна была бежать.

Лифт. Красный индикатор горел, как кровь. Стрелки не двигались.

Я нажала кнопку вызова снова и снова. Бесполезно. Спустившись по лестнице, потянула выходную дверь. Дверь подъезда, ведущая на улицу, была заперта электронным замком. Я слышала характерный щелчок магнитного захвата. Кнопка выхода не отзывалась. После его угрозы я могла думать только об одном: Денис заблокировал дверь. Он хотел задержать меня здесь, в ловушке, пока охранник не подойдет и не увидит меня в состоянии шока. Фотография «истерики» в вестибюле элитного дома — идеальная картинка для его пресс-релиза.

Шаги в глубине подъезда. Охранник проверял шум.

Сердце колотилось где-то в горле. Паника подступала к горлу, холодная и вязкая. Но я взяла себя в руки. Аналитик данных не паникует. Аналитик данных ищет решение.

Я достала телефон. Полиция была далеко. Юристы — заняты. Нужен был техник.

Набрала номер Коли, моего бывшего коллеги из IT-отдела, который уволился два года назад после конфликта с Денисом. Он должен был мне услугу и теперь обслуживал домовую автоматику через подрядчика.

— Коля, это Анна. У меня проблема с домофоном в «Гранде». Код временного доступа к гаражу. Сейчас же.

— Ты серьезно? — его голос был сонным, но узнаваемым. — Денис опять?

— Да. Скинь код в SMS. Быстро.

Через три секунды телефон завибрировал. Шесть цифр.

Охранник уже подходил к стеклянной двери, ведущей в лифтовой холл. Я не стала ждать. Я ввела код на панели у служебного входа в подземный паркинг. Зелёный огонёк. Щелчок. Дверь открылась.

Я выскользнула в холодный бетонный тоннель гаража, минуя главный вход, где меня могли засечь камеры и охрана. Воздух здесь пах бензином и сыростью. Машин вокруг не было. Тишина давила на уши.

Я прошла через гараж к внешнему пандусу. Лифт для грузовиков не работал, поэтому пришлось идти пешком по лестнице на уровень улицы. Каждая ступенька отдавалась болью в коленях. Ноги дрожали от напряжения и холода.

Когда я наконец выбралась на поверхность, небо плакало. Проливной дождь хлестал по асфальту, превращая город в размытое серое пятно. Зонт я забыла в квартире. Или, возможно, оставила специально.

Машины не было. Её заблокировали в сервисе по указанию Дениса ранее, под предлогом планового ТО. Кредитные карты заморожены. Наличных почти нет.

Я стояла у обочины, мокрая до нитки, пытаюсь поймать такси. Приложения показывали «нет свободных машин» или «высокий коэффициент спроса». Пробка была такой плотной, что казалось, весь город решил съехаться именно в эту точку. Это ощущалось как злой рок, как финальная деталь в механизме унижения.

Дождь стекал по лицу, смешиваясь со слезами, которые я не решалась выплакать. Холод пробирал до костей. Одиночество достигло пика. Я была одна против системы, против мужа, против мира.

И тут справа раздался низкий гул мотора. Черный седан бизнес-класса плавно подъехал к бордюру и остановился. Стекло опустилось на пару сантиметров.

Из салона пахло кожей и дорогим табаком. Запах опасности, пахнувший свободой.

За рулем сидел мужчина. Строгий профиль, седина на висках, холодные глаза, которые смотрели на меня не как на жертву, а как на коллегу. Сергей Громов. Независимый аудитор, нанятый советом директоров. Тот самый человек, который искал компромат на Дениса.

Он не предложил помощь из жалости. Не открыл дверь. Он просто констатировал факт.

— Я знаю, что ты забрала диск, — сказал он ровно, перекрывая шум дождя. — Я знаю, что там логи сервера.

Мое сердце пропустило удар. Откуда он знает?

— Садись, — продолжил он, и в его голосе звякнула сталь. — Или я уеду, и ты потеряешь единственный шанс доказать свою невиновность. И тогда Денис получит то, что хочет. Твою свободу и твою жизнь.

Это не было спасением рыцаря. Это была сделка дьявола. Или союзника.

Я посмотрела на окна седьмого этажа нашего дома. Там, в свете настольной лампы, мелькнула тень. Денис наблюдал. Он видел, как я стою под дождем. Он думал, что победил.

Я не испытывала боли. Не испытывала жалости. Только холодное удовлетворение от того, что игра только началась.

Я шагнула к машине. Сергей потянулся через салон и открыл пассажирскую дверцу.

Я села внутрь, влажная, дрожащая, но живая. Дверь захлопнулась, отсекая шум дождя, взгляд Дениса и прошлую жизнь.

Запах кожи окутал меня.

— Куда едем? — спросил Сергей, не глядя на меня, заводя двигатель.

— Сначала в гостиницу. Мне надо переодеться, — ответила я, впервые за последние часы почувствовав контроль над ситуацией. — А потом мы будем работать.

— Номер я оплачу. До разговора, не дольше, — предупредил Сергей.

Я кивнула. Бесплатной эта поездка всё равно не была.

Громов оплатил комнату в хостеле и наутро уехал по делам аудита. Я отправила несколько откликов: нельзя было зависеть от него даже в цене ночлега.

Я стояла перед стеклянными дверями бизнес-центра «Гранд», и мне казалось, что я стою перед эшафотом. Воздух в лобби был кондиционированным до стерильного холода, пах дорогим кофе и чьей-то чужой уверенностью. Я поправила пиджак, подаренный Денисом на годовщину, когда мы еще считались семьей, а не двумя фигурами в его корпоративной игре. Ткань была мягкой, но сейчас она давила на плечи, как свинцовая мантия.

Внутри меня трясло, но лицо оставалось непроницаемым. Это моя суперсила: я аналитик данных. Я привыкла видеть структуру хаоса. Но сегодня хаос имел имя и фамилию моего мужа.

Секретарь на ресепшене сверилась со списком. Её взгляд скользнул по мне с легким презрением, будто я была пятном на безупречном глянцевом полу.

— Волкова Анна? Кабинет 412. Ждите.

Ждать пришлось двадцать минут. Двадцать минут, за которые я прокрутила в голове каждую строчку своего резюме. Опыт работы в холдинге, проекты уровня федерального масштаба, отсутствие пробелов в стаже. Идеальный кандидат для финтех-стартапа, который позиционировал себя как «новое поколение честных денег». Ирония была настолько горькой, что во рту пересохло.

Дверь открылась. HR-менеджер, мужчина лет тридцати с идеально уложенными волосами и улыбкой человека, которому платят за то, чтобы он нравился всем, жестом пригласил войти.

— Анна Сергеевна, присаживайтесь. Мы очень рады вашему отклику. Ваше резюме впечатляет.

Он говорил медленно, подбирая слова. Я чувствовала подвох кожей.

— Спасибо. Я готова рассказать о своем опыте оптимизации процессов...

— Не нужно, — он поднял руку, останавливая меня. Его глаза забегали по экрану телефона, лежащего на столе. Экран светился. Там было сообщение из Telegram. Я видела только верхнюю часть скриншота, но узнала свой профильный снимок. Подпись гласила: «Истеричка-мошенница. Пыталась шантажировать СФО "СтройИнвест". Опасна для команды». Канал назывался «Инсайды Москвы». У него было двести тысяч подписчиков.

Сердце пропустило удар. Потом второй. Потом забило где-то в горле.

— Что это значит? — мой голос прозвучал тихо, но в тишине кабинета он резанул слух.

HR вздохнул, убирая телефон в карман. Маска вежливости сползла, обнажив равнодушные.

— У нас есть внутренняя проверка благонадежности кандидатов. Социальные сети... они говорят больше, чем резюме. Говорят, вы создали репутационные риски для предыдущего работодателя. Для стартапа с фокусом на прозрачность это критично.

— Это ложь! — я ударила ладонью по столу. Звук получился глухим, жалким. — Меня выставили из дома, потому что мой муж...

— Анна Сергеевна, — он повысил голос, и в нем появилась сталь. — Нам не интересны подробности личной жизни сотрудников. Нам важна ваша способность работать в команде без конфликтов. К сожалению, мы вынуждены отказать.

Я вышла из кабинета, не помня, как встала. В коридоре я столкнулась с Мариной, HR-директором холдинга. До повышения она была моей коллегой — той женщиной, с которой мы вместе курили сигареты в аварийном выходе и делились последними новостями рынка. Она увидела меня и замерла. На секунду в её глазах мелькнуло узнавание, даже тень сострадания. А потом взгляд стал пустым. Она отвернулась и ускорила шаг к лифту.

— Марин! — я окликнула её, чувствуя, как внутри всё холодеет.

Она обернулась, но не ко мне. Она смотрела сквозь меня, на открытые двери лифта.

— Я не хочу проблем с Волковым, Анна, — бросила она через плечо, не глядя на меня. — Ты сама всё испортила. Не звони мне.

Лифт увез её вверх, оставив меня одну в длинном, бесконечном коридоре. Страх перед моим мужем был сильнее нашей дружбы. Сильнее десяти лет совместной работы. Он купил их молчание дешевле, чем я думала.

Такси довезло меня до окраины города. Хостел «Уютный угол» был точным антиподом того мира, откуда меня выкинули. Здесь пахло вареной лапшой, старыми коврами и отчаянием людей, потерявших работу или семьи. Моя комната была крошечной студией: койка, шкаф, раковина. На стене висело зеркало, треснутое по диагонали. Я посмотрела в него и не узнала себя. Щеки впали, кожа землистого цвета, глаза красные, воспаленные. Красавица из глянце-вых журналов исчезла. Осталась загнанная женщина.

Я достала банковскую карту. Приложила к терминалу в местном магазине у дома, покупая хлеб и воду. Красный дисплей высветил надпись: «Карта заблокирована».

Позвонила в банк. Оператор, монотонный женский голос, цитировал пункт договора:

— Анна Сергеевна, дополнительные карты к семейному счёту отключены его владельцем. По вашему зарплатному счёту операции временно ограничены: поступило обращение о подозрительных переводах. Приходите в отделение с паспортом и документами по этим операциям.

— Подозрительные переводы? — переспросила я, чувствуя головокружение. — Мне ничего не предъявлено официально!

— Я не вижу содержания обращения. Удалённо снять ограничение не могу. Простите, Анна Сергеевна. До свидания.

Гудки в трубке звучали как похоронный марш. Денис перекрыл мне кислород — и морально, и материально. Он сделал так, чтобы я не могла купить даже еду. Чтобы я зависела от него или умерла с голоду.

Глава 6

Вернувшись из магазина без покупок, я села на край кровати, обхватив колени руками, и смотрела на экран телефона. В голове крутился один вариант. Отчаянный, грязный, но единственный. Виктория Лундберг. PR-менеджер конкурента. Та самая «любовница», которая играла роль жертвы обстоятельств для публики. Может быть, она захочет поболтать? Может быть, между нами есть хоть какая-то человеческая связь? Или хотя бы информация?

Я написала ей в личную переписку соцсети: «Виктория, нам нужно поговорить. Без Дениса. Я знаю про полиграф».

Ответ пришел мгновенно. Не текстом. Голосовым сообщением.

Я нажала воспроизведение. Смех. Истеричный, визгливый, полный торжества.

«Анна, ты такая смешная, — пропела Виктория, и в её голосе было столько яда, что хотелось выплюнуть. — Шантажировать меня? Давай, попробуй. Мой юрист уже готовит иск о преследовании. Если напишешь ещё раз, фото твоих бедных глаз попадут в следующий пост. Пока-пока, нищенка».

Сообщение удалилось само собой, превратившись в пустую строку. Попытка диалога провалилась. Враги консолидированы. Они не просто ненавидели меня, они кормились моим унижением.

Нужны были деньги. Любые. Я открыла приложение онлайн-площадки объявлений. Выставила на продажу свои серьги с бриллиантами и старый айфон из дорожной сумки. Потом добавила коллекцию винила: фотографии остались в телефоне, а забрать пластинки из квартиры можно было позднее. Новые фотографии получились блеклыми, освещение в хостеле было ужасным.

Через час пришли первые сообщения.

«Здравствуйте, товар еще актуален?» — спросил покупатель серег.

«Да, могу продать сегодня», — ответила я.

«Извините, я видел ваше фото в новостях. Не хочу брать вещь у изменницы. Лучше куплю у кого-то другого».

Следующий покупатель техники написал то же самое. Третий оставил негативный отзыв прямо в чате: «Не берите товар у Волковой, она опасна».

Мои руки дрожали. Я блокировала эти аккаунты, закрывая их сообщения. Даже продажу ненужного хлама они превращали в травлю. Цифровое клеймо следовало за мной везде, как тень. Я была изгоем в мире, где репутация стоит дороже капитала.

На пороге раздался стук.

Я не двигалась. Стук повторился, настойчивый, но не агрессивный.

Открыла дверь. На лестничной площадке никого не было. Только коробка. Маленькая, из крафт-картона, перевязанная черной лентой. Без маркировки отправителя.

Я внесла её внутрь, запирая дверь на все замки. Сердце колотилось так сильно, что отдавало в висках. Внутри лежал мой старый рабочий ноутбук. Тот самый, который остался дома, когда Денис выставлял меня за дверь. Рядом лежала записка, написанная небрежным почерком на листке из блокнота:

«Ноутбук забрал по акту для аудита. На нём локальная копия журнала, вход — в readme.txt. Проверь ночь перед твоим приездом. Внешний доступ не трогай. С.Г.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.